

Филонов Евгений Анатольевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
philonove@mail.ru

«Бытие как книга»: топос — формула — клише (к проблеме топики Нового времени)*

Для цитирования: Филонов Е. А. «Бытие как книга»: топос — формула — клише (к проблеме топики Нового времени). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2020, 17 (2): 196–216. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.203>

В последние десятилетия представление о литературной топики как явлении, принадлежащем, главным образом, культуре риторической эпохи, все чаще подвергается пересмотру: свидетельством тому служит целый ряд работ, посвященных изучению «готовых форм» за границами эпохи «рефлексивного традиционализма». Эти исследования объединяет общий подход: как правило, они описывают конкретные случаи сложного функционирования традиционных *loci communes* в произведениях авторов XIX–XXI вв., т. е. движутся в своем рассмотрении от индивидуального художественного образа к метафорическому архетипу. Настоящая статья представляет собой попытку описать функционирование традиционного топоса в литературной системе неканонической эпохи с точки зрения противоположного подхода: т. е. охарактеризовать основные контексты реализации конкретного топоса и спектр его семантических трансформаций в литературе XIX в. «Бытие как книга» — один из наиболее распространенных топосов риторической эпохи — описан в классических работах Э. Р. Курциуса, Д. И. Чижевского, А. М. Панченко. В культуре новейшего времени метафора «читаемости мира» (Х. Блюменберг) сохраняет актуальность, получая новые оригинальные воплощения. Однако есть и другая форма функционирования традиционного топоса за рамками культуры готового слова. В литературе XIX в. основные его варианты («книга природы», «книга судьбы» и т. д.) продолжают существовать в виде устойчивых формул, сохраняющих значения, возникшие на разных этапах жизни метафоры. Такой топос-формула может развивать и новые значения, связанные с определенными контекстами («книга жизни» у писателей-демократов, «книга памяти» в элегической традиции). Когда устойчивая семантика исчезает, формула превращается в стилистически нейтральное клише. Так в своеобразных формах топики сохраняет свое присутствие в русском литературном дискурсе XIX в.

Ключевые слова: топос, общее место, книга природы, литературный дискурс.

Книга как метафора мира и человеческой жизни — одно из древнейших и наиболее распространенных общих мест мировой культуры. История изучения топоса «книга» и «книжной» метафоры в определенной степени отражает историю развития исследований топики (*Toposforschung*) в целом: на материале работ, посвященных этому топосу (многие из которых стали классическими), можно про-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00570 «Топика постриторической эпохи: теория и практика».

следить, как эволюционировала проблематика целой исследовательской области и какие задачи возникали в ней на разных этапах.

Проблема научного изучения литературной топики, как принято считать, была сформулирована Э. Р. Курциусом в работе «Европейская литература и латинское средневековье» (1948). В одной из глав этого труда («Книга как символ» [Curtius 1993: 306–325]) Курциус рассмотрел историю книжных метафор от античности до XVIII в. Привлекая главным образом романо-германский материал, он описал целый спектр вариантов топоса «книга»: «мир как книга», «человек как книга», «книга судьбы», «книга опыта» и т. д. Его целью было продемонстрировать наличие определенных констант в языковом пространстве западноевропейской культуры от классической древности до классицистической эпохи.

Д. И. Чижевский в статье «Книга как символ космоса» [Čiževskij 1956], дополняя наблюдения Курциуса, описал этот топос (в одном его варианте) на материале славянских литератур от Средневековья до XX в. Значение своего труда Чижевский видел в том, чтобы показать, что «slavica» — это полноценная часть европейского мира и европейского культурного языка. В русистике разыскания Чижевского были продолжены в работах П. Н. Беркова [Берков 1969] и А. М. Панченко [Панченко 1970], посвященных творчеству Симеона Полоцкого. Здесь символика книги была всесторонне описана в рамках индивидуальной художественной системы крупнейшего поэта русского барокко (подобно исчерпывающему описанию книжных образов Данте и Шекспира у Курциуса).

С самого начала топики рассматривалась исследователями как один из феноменов, свидетельствующих о надвременном и наднациональном единстве культурного пространства. Описание топосов позволяло обнаружить, что границы — между литературами античности и христианской Европы (Курциус), между западноевропейским и славянским культурными ареалами (Чижевский), между книжно-письменной и устно-поэтической традициями русского средневековья (В. П. Адрианова-Перетц) — не являются непроницаемыми.

Уже в основополагающих трудах, посвященных изучению *loci communes*, в поле зрения исследователей оказалась и еще одна граница, преодолеваемая топикой в историческом движении культуры, — граница между «риторической» и «постриторической» эпохами, культурой «готового» и «неготового» слова. Так, если Курциус ограничивался в рассмотрении топики рубежом XVIII столетия, то Адрианова-Перетц распространяла свой взгляд и на XIX в. [Адрианова-Перетц 1947: 127–132], а Чижевский — на XIX и XX вв. [Čiževskij 1956: 98–114]. Однако долгое время проблема топики в литературе Нового времени оставалась на периферии исследовательских интересов, становясь предметом специального внимания лишь в единичных работах. Так, напр., еще Чижевский указал на богатство материала, предоставляемого для изучения топосов русской поэзией начала XX в. [Čiževskij 1956: 109–110, 113]. А в 1971 г. вышло обстоятельное исследование А. М. Панченко и И. П. Смирнова о воплощении «метафорических архетипов», известных средневековой русской словесности, в поэтических системах В. Хлебникова и В. В. Маяковского. В числе «воскрешенных» гилейцами метафор-символов здесь описан и топос «мир — книга», в котором поэтическая концепция «Единой книги» Хлебникова (1921) неожиданным образом сближается с концепцией «мира — книги» Симеона Полоцкого (1678) [Панченко, Смирнов 1971: 46–48].

Работы последних десятилетий свидетельствуют о возрастающем интересе к проблеме изучения топосов в литературе постриторической эпохи (см.: [Автухович 2005; Васильева 2018; Степанов 2018] и многое другое). Современные исследователи обнаруживают богатство топики уже не только в поэзии романтизма и модернизма, но и в литературе второй половины XX–XXI вв. Этот поворот отразился и в исследовательской судьбе топоса «бытие как книга»: книжная символика и метафорика в творчестве постмодернистов стала предметом описания в ряде недавних статей [Богдевич 2015; 2019; Маркова 2016; Щербитко 2013 и др.].

Однако проблема топики Нового времени подразумевает не только вопрос о востребованности традиционных *loci communes* в культуре «неготового слова», но еще и вопрос о специфике их функционирования в иной литературной системе. Этот проблемный аспект также был намечен уже в основополагающих работах. В частности, Адрианова-Перетц, приводя в завершение своего труда о древнерусских «метафорах-символах» ряд позднейших поэтических аналогий, отмечала: «...круг представлений и понятий, которые у автора XIX в. вызывают знакомые и древнерусской литературе употребления, — иной, и метафора в ее обновленном виде выполняет новую функцию» [Адрианова-Перетц 1947: 132]. Эта же мысль была высказана Панченко: «...топика (как факт искусства и как предмет изучения), подобно всему на свете, эволюционирует. Поэтому один и тот же сюжет в разных системах обретает специфический смысл» [Панченко 1986: 240].

Наиболее влиятельные попытки концептуализировать проблему исторической эволюции топосов связаны с представлением о смене культурных эпох, характеризующихся подъемом и упадком интереса к топике («эпохи забвения закономерно сменяются эпохами воскрешения» [Панченко 1986: 240]). Такой «эпохой забвения» обычно считается искусство XIX в. в целом или та его часть, которую определяют как «реализм». Чижевский — автор «маятниковой» концепции литературного развития — отмечает: «поэзия “реалистической” эпохи вообще избегала метафор или значительно сокращала их количество и конструктивное значение» [Čiževskij 1956: 104]¹. Между тем, как представляется, судьбу литературной топики в XIX в. гораздо точнее можно охарактеризовать, говоря не только и не столько о количественном сокращении топосов, сколько о специфических формах их присутствия в литературном дискурсе. Эта мысль в разной форме была высказана в ряде недавних работ [Бухаркин 2003; Гуськов 2003; Двинятин 2018; Леоненко, Овчарская 2018; Оверина 2018; Оверина, Степанов 2019; Филонов 2018 и др.].

Цель настоящей статьи — проверить это предположение на материале топоса «бытие как книга», который, как было сказано выше, хорошо изучен и описан в литературе риторической эпохи и в творчестве авторов XX–XXI вв., но редко упоминается исследователями-литературоведами в связи с веком XIX.

Чижевский говорит о невыразительности и малой значимости примеров книжной метафорики в поэзии и прозе этого периода [Čiževskij 1956: 107]. Но свидетельствует ли это о ее деактуализации? Х. Блюменберг, рассмотревший универсальную метафору «читаемости мира» в культурно-философском аспекте, продемонстрировал, что, по-разному проявляясь, она сохраняет значимость в европейской культуре на всех этапах ее развития [Blumenberg 1983]. Попробуем пред-

¹ Близкое суждение высказано И. П. Смирновым в работе об исторической типологии культуры [Смирнов 2000: 23].

положить, что те качества, которые Чижевский определил как невыразительность и малую конструктивную значимость, характеризуют особый тип реализации топоса — не в сложных развернутых образах (как, напр., у средневековых авторов), а в ряде формул, отличающихся ограниченным варьированием словесного выражения и принадлежащих литературному дискурсу. Это предположение послужит одним из оснований нашей попытки взглянуть на «книжную» топику в русской литературе XIX в. в другом ракурсе.

Такая установка обуславливает и несколько иной принцип описания топоса. Чижевский, выявляя традиционные *loci communes*, воплощенные в индивидуальных поэтических образах, всякий раз подробно описывал их метафорическую форму, но (в отличие от Курциуса) лишь в некоторых случаях касался особенностей значения, определяемых художественным контекстом. Только в заключение своей работы он указал на возможность построения типологии на основе выявленного им материала. Мы же, описывая формулы, не обладающие выразительной сложностью, сосредоточим внимание как раз на их семантике. Причем если для Чижевского типология вариантов топоса была важна в связи с возможностью установить источник образа в каждом конкретном случае [Čiževskij 1956: 114], то для нас больший интерес будет представлять не генезис формулы, а особенности ее функционирования в том или ином контексте. Такой подход в некоторой мере позволит уйти от абсолютизации понятий «романтизм», «реализм», «модернизм» и т. д., всякий раз требующих серьезного теоретического обоснования, и рассмотреть не автономные эстетические системы литературных направлений, а литературный дискурс XIX в. в целом.

Обратимся к формулам, восходящим к топосу «бытие как книга» в разных его вариантах. Наиболее полно и всесторонне описанная исследователями модель топоса реализуется в метафорическом сопоставлении мироздания с письменами («книга как символ космоса», или «книга природы»). Устойчивый контекст этого образа — ситуация познания мира: постижение человеком законов мироустройства — осмысливается как чтение книги природы. В разные эпохи топос развивал разные значения. Он зафиксирован Курциусом уже в античности, но особое влияние приобретает в средневековом богословии, где книга природы наряду со Священным Писанием рассматривается как один из источников знания, данных Богом человеку (см.: [Herkommer 1986]); затем в натурфилософии эта метафора теряет религиозный оттенок значения, а позже соотносится с научным познанием (этот поворот отражен в изречении Г. Галилея «Книга природы написана на языке математики» (цит. по: [Curtius 1993: 327])). У просветителей возникает идея о превосходстве книги природы над книжной ученостью (Ж.-Ж. Руссо), которая развивается в эстетической теории романтиков: книга природы — главный «учебник» поэта [Curtius 1993: 323–329].

В русской поэзии, беллетристике и публицистике XIX — начала XX в. формула «книга природы» обнаруживает широкое распространение. Представляется возможным выделить несколько характерных для нее устойчивых значений, каждое из которых может быть соотнесено с одним из вариантов топоса, перечисленных выше.

Так, в целом ряде употреблений образ чтения книги природы возникает, когда речь идет о познании, понимаемом как высшая цель человеческой жизни, и о недостижимости полноты познания, о невозможности до конца постичь все тайны мироздания:

В раскрытой пред нами огромной книге природы читаем мы один только листочек, и только тот, на который указали нам нужда и обстоятельства; время, а не мы стараются перевернуть для нас другой и третий листочек, между тем как бушующие вокруг нас вихри страстей снова мешают листки, и мы остаемся на одном месте в нашей азбуке познания природы и самих себя [Мерзляков 1819: 161];

Всякому человеку, одаренному энтузиазмом, знакомому с наслаждениями высокими, представляется естественный вопрос: для чего поселена в нем страсть к познанию и к чему влечет его непреодолимое желание действовать? — К самопознанию, — отвечает нам книга природы. Самопознание — вот идея, одна только могущая одушевить вселенную; вот цель и венец человека [Веневитинов 1826: 128];

Науками обогащаем
Себя и ближних щедро мы;
Природы книгу раскрываем,
Да умствуют по ней умы!..
Познали цепь всего творенья,
Планет познали отдаленья,
Измерили и глубь и высь...
Что ум еще воображает,
Душа чего еще желает?..
Бессмертия! — его потщись
[Борисов 1826];

Природа — книга пребольшая:
Начертаны Творца рукой
В ней мирозданья вечный строй
И тайна истин роковая.
В страницах дивных заключен
Высокой мудрости закон.
Познаний жаждою сгорая
Загадку жизни разгадать,
С правами разума дерзая
Надменной мыслью все обнять —
Мы в книге сей спешим читать.
Ее читаем мы, вникая
В смысл сокровеннейший Творца,
И, неба тайн не постигая, —
Закроем, не узнав конца.
[Зайцевский 1827];

Конечно, нельзя строго винить Кольцова в том, что он не умел совладать с своими сомнениями: как человек глубокого ума и горячей души, он не мог, без тяжкого и оскорбленного чувства, видеть, что книга природы и жизни по воле независящих обстоятельств навсегда закрыта для него. И вот он ищет проникнуть в этот запертый для него храм, но увь! [Салтыков-Щедрин 1856: 29];

Я задумался о своей и чужой жизни, вспомнил все свои скитания в напряженной погоне за тем, чтобы прочесть хотя одну букву в этой таинственной, развернутой перед глазами человека бесконечной книге вселенной [Арцыбашев 1912: 367–368].

Стоит привести еще одно употребление, где формула «книга природы» в значении ‘книга, заключающая главную тайну бытия’ фигурирует как пошлая банальность и в этом контексте приобретает сниженный оттенок:

Дубенко поднял на смех конфузливого Кранца... <...> Когда же задетый за живое, покрасневший, как девушка, Кранц стал оправдываться и в смутных, сбивчивых выражениях заговорил о «книге природы», о понимании ее языка и явлений, о «заблудившемся человечестве», — Дубенко разразился гомерическим хохотом и объявил, что он «так и быть» прочтает молодому «дурню» кое-что из «настоящей» книги природы. С таинственным видом, словно извлекая сокровище, он достал из гинтера объемистую тетрадь в красном сафьянном переплете... <...> Красная тетрадь оказалась собранием произведений пресловутого Баркова... [Эрастов 1906: 172–173].

В таком значении формула, очевидно, восходит к варианту топоса, возникшему в религиозно-мистическом и натурфилософском дискурсах. Другое употребление, подразумевающее противопоставление книжной учености и естественного познания, как представляется, может быть соотнесено с руссоистской моделью:

Приди к нам, любезный друг,
Встречать лето красное!
Ты книг не бери с собой:
Здесь книга великая
Природы открыта нам;
В деревне не надобно
Цветов остроумия, —
Здесь сердце лишь надобно
[Воейков 1810: 270].

Книга природы оказывается орудием воспитания и источником истинного знания о мире для человека, не приобщенного к книжной образованности (зачастую оцениваемой отрицательно):

В почтенном хозяине моем представляется мне живой урок многим мудрецам нашего века. <...> добрый Христианин без умствований; верный подданный, чтящий в Царе своем образ Всевышнего Правителя на земле; мудрец, читающий каждый день великую книгу Природы, — он постигнул сердцем, что следовать ее простым велениям — есть повиноваться воле Бога [Лажечников 1820: 32];

Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно, без очков!..
Нет, мы не древние народы!
Наш век, о други, не таков
[Тютчев 1821: 59];

О, славный народ мой, простой, ненадменный.
Устойчивый в горе, сердечный в беде
<...>
Природа великая, чудная книга,
Ты истину в ней разобрал по складам.

В святой простоте ты познал бесконечность,
Боролся с стихийной враждою, титан!
[Белозерский 1886];

Было что-то величественное во всей фигуре высокого маститого старца, с густыми и длинными белыми волосами и бородою патриарха, в этом строгом, правильном лице, отмеченном печатью спокойной старческой красоты. Он вырос пред лицом безмолвно поучающей природы, и из этой великой книги вынес неоскудевающий запас не книжной мудрости. Жизнь могла создать такого человека именно здесь, в провинциальной глуши, на просторе благоухающих полей и зеленеющих лесов, вдали от городского шума и праздногo сутолоки [Измайлов 1901: 135];

Но кроме гимназии была у нас широкая и многоводная река и почти девственный лес под самым городом — открытая книга природы, всякому доступная, чьи глаза хотят видеть, уши слышать, а душа радоваться. Все, что нам не договаривали и не умели объяснить, мы читали на страницах этой книги. В ней мы находили настоящий закон Божий, она готовила нас к восприятию подлинной истории, она очищала наши детские головы от мусора, которым их засаривала гимназия [Осоргин 1931: 451–452].

В критике и публицистике формула нередко появляется в том значении, которое Курциус упоминает в связи с эстетической теорией романтиков: книга природы — источник истины и поэтического вдохновения, в полной мере открытый художникам и не доступный непосвященным; обыкновенные люди могут заглянуть в книгу природы через творения гениев:

Простолюдину Шекспиру природа открыла все тайны сердца человеческого. Кому предоставлено читать в великой книге природы, всегда отверстой для духа творческого; кому предоставлено уловлять переливные движения сердца и души человеческой — тот выразится языком вдохновения [Глинка 1796: 188];

Мы, обыкновенные люди, считаем художников нашими старшими братьями по человечеству; им непосредственно открыта книга природы и человеческой души, им предоставлено восходить на такие высоты и заглядывать в такие глубокие сокровенные тайники, которые недоступны обыкновенному человеческому рассудку, как невыносим для невооруженного глаза луч полуденного солнца [Писарев 1860: 145].

Наконец, множеством примеров можно проиллюстрировать и еще один вариант формулы, в котором чтение книги природы выступает метафорой научного познания. Это употребление соотносимо с образом из приведенного выше изречения Галилея:

Над слоем там слой и пласты над пластами
Являются книгой с живыми листами.
Читает ее по складам геолог.
Старинная книга! Не нынешний слог!
Иные страницы размыты, разбиты,
А глубже под ними — граниты, граниты...
[Бенедиктов 1859: 543];

Общество наше погружено в спячку; у него нет никаких серьезных умственных интересов, а между тем великая книга природы открыта перед всеми, и в этой великой

книге до сих пор, трудами немногих замечательных деятелей, прочтены только первые страницы [Писарев 1863: 104];

Литература, уважающая свое народное и общечеловеческое призвание, никогда не забывает, что возможность типических очертаний не может иссякнуть, покуда не иссякнет самая жизнь, точно так же как естествоиспытатель не может сказать, что то или другое открытие, как бы громадно ни было его значение, закрывает собою книгу природы и полагает предел дальнейшим исследованиям [Салтыков-Щедрин 1868: 23].

Формула может сворачиваться до нескольких слов, а может превратиться в развернутый образ:

Старинная книга — природа. Тысячелетиями поворачиваются ее страницы. Но книге этой миллионы лет. Недавно, лет двести тому назад, еще летала в лесах Европы птица дронт. Страница перевернулась — нет, нигде на всем свете нет птицы дронта. <...> Новая страница раскрыта перед нами. Мы ее жадно читаем, мы задаем природе вопросы и придирчиво, упрямо ищем ответа. <...> Мы, как истертые, старые страницы, расследовали отпечатки в камнях и в угле, в глубине шахт, на дне песчаных морей, в пустынях и, как в истлевшей книге по редким буквам, хотим восстановить древнее слово, хотим прочесть, что было. И вот, читая эту книгу природы <...> человеку вдруг захочется самому вписать свои строчки. Самому сотворить то, что веками, тысячелетиями неустанно и медленно делалось в природе [Житков 1935].

Возможно и комическое употребление формулы. Так, в «Письме к ученому соседу» А. П. Чехова, становясь атрибутом речевой характеристики карикатурно очерченного персонажа, она воспринимается как банальность:

Хотя я невежда и старосветский помещик, а все же таки негодник старый занимаюсь наукой и открытиями <...> Матушка природа есть книга, которую надо читать и видеть. Я много произвел открытий своим собственным умом, таких открытий, каких еще ни один реформатор не изобретал [Чехов 1880: 14–15].

Число примеров для каждого из употреблений можно было бы значительно умножить. Однако и приведенный материал, кажется, позволяет сделать обобщение: формула «книга природы» закрепились в литературном дискурсе XIX в. в нескольких одновременно сосуществующих значениях, восходящих к разным вариантам традиционного топоса; при этом она может становиться основой более или менее сложного образа или функционировать как стилистическое клише.

Обратимся к еще одной, не менее распространенной разновидности топоса «бытие как книга», в которой письмедам уподобляется человеческая жизнь. Эта модель реализуется в целом ряде формул, соотносимых с традиционными метафорами, описанными Курциусом. Самая простая из них — «книга жизни» — развивает два ряда значений, в одном из которых подразумевается жизнь всего человечества, конкретного общества или его части, а в другом — биография отдельного человека. Рассмотрим каждый из вариантов.

Первый ряд значений формулы, как и в случае «книги природы», предполагает в устойчивом контексте ситуацию познания: чтение книги жизни (общества, народа и т. д.) — это способ приобретения опыта, форма познания мира альтернативная книжному учению:

Но не одну живую книгу жизни читал я в Германии: читал я книги и печатные. Особенно я отыскивал сочинения о России, которой я не знал ни истории, ни географии [Шелгунов 1885: 82];

— Кроме книг писанных и печатных, — говорил мой противник, — есть постоянно раскрытая перед глазами всех книга жизни, из которой люди почерпают мудрость и истину. <...> Я думал так: «Если мы будем читать книгу жизни, то на каждом шагу, рядом со страницей, преисполненной глубокого чувства, встретим пошлые и грубые строки обыденной жизни, между тем как в книге печатной мы находим, так сказать, избранные, лучшие места из книги жизни» [Грибовский 1886: 44];

...Глядя на полки с книгами, я думал: «Сколько слов любви рассеяно по страницам этих фолиантов, сколько чудных сказаний о радостях и муках влюбленного сердца читал я когда-то в них и в бесчисленных других, им подобных, читал и в великой книге жизни и, кажется, все, все уже изведано, исчерпано, и все-таки каждый раз находишь что-нибудь новое в этой старой, вечной, как мир, сказке любви» [Тихонов-Луговой 1890: 89].

В приведенных примерах книжные знания не «дискредитируются» «чтением» жизни, но дополняются им. Однако существует ряд употреблений формулы у писателей-демократов, где это противопоставление обретает остроту: книга жизни как единственный источник подлинной правды заслоняет собой книжную ученость, обнаруживает ложность и неполноту любых представлений, оторванных от реальности народного бытия. Контекстом здесь часто выступает одна и та же сюжетная ситуация: герой-интеллигент, попадая в демократическую среду, открывает для себя неведомые ему ранее стороны действительности:

Суд продолжался целых три дня. <...> Тетя Женя переродилась за эти дни, точно пред ее глазами развертывалась лист за листом черная книга жизни, которой она совсем не знала. Пощады не было, и вещи назывались их настоящими именами. Ясно было одно, что все подсудимые были одержимы мучительной жаждой жизни и не останавливались для ее утоления ни пред чем [Мамин-Сибиряк 1895: 345];

Ужасно было интересно в тюрьме. Я прямо жалел, когда выпустили. Эти мужички с недоумевающей мыслью в глазах. Рабочие, как натянутые струны. Огромнейшая книга жизни [Вересаев 1908: 271].

В рассказе Н. М. Астырева (1857–1894) «Книга жизни» формула в описываемом значении разворачивается в целый сюжет: состоятельный столичный чиновник — пошляк, воображающий себя демократом, — отправляется со своим семейством в путешествие по Волге, чтобы показать детям, институтке и гимназисту, настоящую жизнь:

Относительно их Иван Петрович преследовал также особые виды: им в высшей степени полезно будет заглянуть в «книгу жизни», о содержании которой они знают пока только с чужих слов. Разве может сравниться вся эта печатная премудрость, все эти классные уроки и внеклассные чтения с непосредственным наблюдением над природой и людьми, над взаимными их отношениями, над народным бытом (это словечко опять стало с некоторого времени в большом ходу в сферах, около которых толкся Иван Петрович) [Астырев 1904: 4–5].

Намерение героя осуществляется, но иначе, чем он предполагал: дети, действительно, становятся свидетелями нескольких обыденных эпизодов из жизни пассажиров третьего класса:

Сереза стоял все это время у самой двери, ведшей под крытую палубу, не обращая на себя ничьего внимания! Случайно раскрытая им страница «книги жизни» оказалась интересней Майн-Рида и Фенимора Купера, которыми он зачитывался на даче [Астырев 1904: 12].

Впервые сталкиваясь с несправедливостью и человеческим страданием, брат и сестра переживают глубокое потрясение, которое, однако, остается совершенно непонятным для их родителей. Устав от скуки и неудобств, отец семейства решает прекратить путешествие:

Ну его к чорту и городишка этот, и все эти проклятые «рационалистические прогулки», и эту идиотскую «книгу жизни»!.. [Астырев 1904: 39].

Формула функционирует здесь двояко: в устах героя-обывателя слова о превосходстве «книги жизни» над школьной ученостью — пошлая банальность; но в заглавии рассказа метафора, характеризующая уже авторский взгляд, обретает серьезное звучание и актуализирует противопоставление подлинной жизни пустой риторике.

Еще один вариант такого употребления формулы связан с изображением «демократического» героя: книга жизни — источник мудрости и опыта человека из народа, не приобщенного к книжной образованности. Здесь формула сближается в своем функционировании с метафорой «книга природы», восходящей к руссоистскому топосу:

Она была из типа тех степенных и рассудительных, богомольных русских женщин, которые всегда кажутся одного среднего возраста <...> Бог весть, как и когда, без борьбы и без усилий, проникаются раз навсегда ясной и простой мудростью, дающей так легко, как будто перед ними раскрывается, сама собою, загадочная книга жизни, книга, над которой льются безостановочно потоки слез, пота и крови, так выбиваются из сил, так превозносятся и так падают несметные людские толпы!.. Нет положения, которое бы застало врасплох этих врожденных бесстрастных философов [Шапир 1886: 469–470].

Любопытны употребления, в которых этот вариант формулы контаминирован с топосом «человек как книга» (также имеющим давнее происхождение). Здесь сам герой из народа оказывается книгой, из которой интеллигент может постигнуть подлинную правду жизни:

Когда я зазнал Анну Марковну, она была уже женщина лет за пятьдесят. <...> Часто, почти каждый день я беседовал с нею <...> Книга жизни, в которой каждое слово как будто дышало и билось, раскрылась передо мной со всеми своими болями; со всей жаждой счастья, которое, словно мираж, манит и трепещет на горизонте, понапрасну только изнуряя и иссушая грудь бедного странника моря житейского. Эта простая, но беспредельно добрая женщина много потрудилась на своем веку и много думала, но додумалась только до любви и прощения [Салтыков-Щедрин 1869: 354–355].

В «Думах и песнях пахаря» Я. Е. Егорова иная ситуация: герой из народа оказывается непостижимой для «барина» книгой:

Раскрыл бы душу грубую,
Как книгу за обеднею —
«Читай!», — сказал бы я тебе.
Но нет!.. Я сам, читаючи
В лице твоём, сказал себе:
«Не может этой грамоты
Постигнуть барин в кофточке»,
И книга вновь закрылася
[Егоров 1884: 14].

Формула, в которой жизнь противопоставлена книге, может приобрести и противоположный смысловой оттенок: жизнь беднее книги (правда, здесь исчезает и контекст ситуации познания — речь идет не о постижении жизни, а об интересе и удовольствии, которое она доставляет):

Его любовь и ее страсть ткали волшебные узоры сказки, вписывали яркие страницы романа в скучную книгу жизни [Вербицкая 1916: 355];

Ему просто надоело и претило перевертывать и перечитывать затрепанную книгу жизни, над которой его одолевала нестерпимая скука. Он знал, что в будничном соприкосновении с природою и с людьми встретит давно знакомые и избитые предметы [Фет 1889: 136].

Наконец, еще одно устойчивое значение формулы, близкое к соответствующему употреблению метафоры «книга природы», появляется при описании творческого процесса: писатель, создавая свои произведения, предстает читающим книгу жизни:

В романе жизнь обзревается со всех сторон, исследуется во всех смыслах. <...> Точно так же и повесть! <...> Она не есть только приятный досуг воображения, играющего калейдоскопически призраками действительности, но живой эскиз, яркая черта, художественная выдержка из книги жизни [Надеждин 1832: 321];

С каким необычайным упорством, с какой живой любознательностью, присущей ему, как истому художнику, пытается Сенкевич, открывая с каждым днем все новые и новые страницы необъятной книги жизни, проникнуть в суть смысла этих страниц [Быков 1902: 521–522];

Ты, поразившая Денницу,
Благослови на здешний путь!
Позволь хоть малую страницу
Из книги жизни повернуть
[Блок 1921: 23].

Другая модель топоса «человеческое бытие как книга» предполагает, как уже было сказано, сопоставление с письменами отдельной биографии. Эта метафора реализуется в целом ряде формул: «книга судьбы», «книга жизни», «книга памяти» и др. Попробуем проследить, как функционирует каждая из них в русском литературном дискурсе XIX в.

Топос «книга судьбы» («книга судеб»), который в некоторых случаях можно соотнести с книжными образами Апокалипсиса, отсылает к идее предопределенности событий человеческой жизни. У романтиков эта метафора часто появляется, когда речь идет о судьбе как непостижимой тайне, однако можно привести множество употреблений, где формула лишена «мистического» оттенка значения:

Казалось, каждому раскрылась тогда таинственная книга судеб будущего и каждый, читая кровавые буквы ее, окаменел и не мог промолвить ни одного слова [Полевой 1832: 539];

Юрий не мог любить так нежно, как она; он всё перечувствовал, и прелесть новизны не украшала его страсти; но в книге судьбы его было написано, что волшебная цепь скует до гроба его существование с участью этой женщины [Лермонтов 1832: 36];

— Если бы мы остались еще на несколько минут, нас наверное схватили бы.
— То же случилось бы, если бы полиция ускорила шаги и явилась немного раньше, — сказал Андрей. — Наше будущее записано в книге судеб, и избежать его невозможно, — прибавил он полушутя, полусерьезно [Степняк-Кравчинский 1889: 74];

Но, видно, в книге судеб было написано, что женщины, от колыбели до могилы, должны играть в его жизни роковую роль [Гейнце 1898: 23];

Некто в сером, именуемый Он, говорит о жизни Человека. <...> Губы Его твердо сжаты. Слегка подняв голову, Он начинает говорить твердым, холодным голосом, лишенным волнения и страсти, как наемный чтец, с суровым безразличием читающий Книгу Судеб [Андреев 1908: 443].

Формула, воплощающая представление о судьбе как внешней силе, неподвластной человеку и всецело определяющей его жизнь, может быть употреблена с иронией: так, у А. Ф. Вельтмана книгой судеб названа колода карт [Вельтман 1848: 20], а у К. М. Станюковича — гробух ростовщика [Станюкович 1880: 203].

В метафоре книги судьбы жизнь человека представляется написанной до его рождения; возможна и противоположная модель: жизнь — книга, которую человек сам пишет своими поступками. Этот образ является основой традиционных топосов: такова «книга совести» у Симеона Полоцкого [Симеон 1678: 146], другой характерный вариант — «книга ошибок» (вспомним свиток, в котором записаны годы учения Вильгельма Мейстера в гётевском романе воспитания). Этот вариант топоса хорошо известен в русской поэзии, хотя и не приобрел формульного воплощения:

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалею, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю
[Пушкин 1828];

Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнусавя надо мной,

Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх
[Есенин 1925: 164–165].

В приведенных примерах чтение книги жизни связано с оценкой (или переоценкой) прожитого опыта. Такой ситуативный контекст характерен еще для одного варианта топоса — «книга воспоминаний» или «книга прошлого», который реализуется в распространенных формулах. Их употребление, как правило, соотносится с элегическим модусом: обращение к книге прожитого рождает разочарование. Предметом разочарования может быть как само прошлое (наполненное иллюзиями), так и настоящее, в котором не оправдались надежды юности. В этом контексте теряет значение различие между метафорическими моделями «книги судьбы» и «книги ошибок»: события жизни могут быть обусловлены предопределением или собственными поступками человека, но на их восприятие это не влияет.

Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем
[Лермонтов 1840: 89];

И в книге прошлого с стыдом читаю я
Погибшей без следа, бесплодной жизни повесть
[Плещеев 1856];

Ты хочешь заглянуть в потерянный свой рай —
Стой! Книги прошлого не тронь, не раскрывай!
Уж не довольно ль ты и без того печален?
[Бенедиктов 1883];

Прекрасные черты, любимые когда-то,
Загушевала жизнь чертами чуждых лиц,
И то, что было мне так дорого и свято, —
Из книги прошлого ряд вырванных страниц!..
[Надсон 1882].

Наконец, едва ли не самая распространенная формула, в которой реализуется сопоставление личной биографии с книгой, — «чтение книги собственной жизни»:

Мне казалось, что слезы мои льются от живой любви к Самой Любви и что они должны смыть некоторые черные пятна в книге жизни моей [Карамзин 1791: 151];

Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла
Один заглавный лист, и пред тобою
Открыто море счастья и зла
[Лермонтов 1835: 275];

«Зачем... я любила?» — в тоске мучилась она и вспоминала утро в парке, когда Обломов хотел бежать, а она думала, что книга ее жизни закроется навсегда, если он бежит [Гончаров 1859: 423].

Метафорическая модель, находящаяся в основе этой формулы, имеет два варианта, которые часто оказываются неразличимыми: в одних случаях речь идет о книге собственной жизни, в других — об общей книге человеческого бытия, которую читает каждый из людей:

В книге жизни моей нет теперь ни одной
Освежающей душу страницы...
[Суриков 1874: 151];

Мудрец, или лентяй, иль просто добрый малый,
Но книги жизни он с вниманьем не читал,
Хоть долго при себе её он продержал.
Он перелистывал её рукою вялой,
Он мимо пропускал мудрёные главы,
Головоломные для слабой головы...
[Вяземский 1875].

В отличие от книги жизни, которую человек пишет своими поступками, этот образ предполагает определенную пассивность субъекта; в то же время здесь отсутствует мотив предопределенности, свойственный метафоре «книга судьбы». В этом смысле оригинальным представляется употребление формулы у П. А. Вяземского: индивидуальность биографии героя выражается в самостоятельности чтения книги жизни:

Чужому мненью, словно игу,
Не подставлял я головы;
Как знал, читал я жизни книгу,
Но не со слов людской молвы.
Теперь, что с альфы на омегу
Я окончательно попал...
[Вяземский 1864: 388].

В публицистике и критико-биографической литературе формула часто превращается в стилистически нейтральное клише:

Поэт умер очень рано и в книге жизни успел перелистать лишь несколько страниц, и то довольно однообразных. Но он в себе самом носил целый мир чувств, идей и видений [Котляревский 1891: 2];

Сама она прочитала уже книгу жизни всю, до конца, до грустного эпилога; но она любит на тех, кто жадно и доверчиво принимает лишь к первым страницам этой же интригующей книги [Айхенвальд 1914: 151].

Однако иронические употребления показывают, что в определенных контекстах формула может восприниматься как характерный стилистический маркер:

Седой военный ловко подбросил Дуняшу на ступеньки вагона, и вместе с этим он как бы толкнул вагон, — провожатые хлопали ладонями, Дуняша бросала им цветы. Провожая ее глазами, Самгин вспомнил обычную фразу: «Прочитана еще одна страница книги жизни». Чувствовал он себя очень грустно — и пришлось упрекнуть себя: «А я все-таки немножко сентиментален!» [Горький 1931: 193].

Мы вынуждены ограничиться приведенными примерами употребления каждой из описанных формул, хотя их число можно было бы значительно умножить. Объем статьи также не позволяет нам рассмотреть другие восходящие к традиционным топосам книжные метафоры, функционировавшие в русском литературном дискурсе XIX в. в виде формул и клише. Это, напр., «книга истории», которая читается или пишется, в которую вписывают свои имена герои («Священная книга истории, грозная книга судеб, написанная родом человеческим, закапанная слезами и кровью миллионов! Какая из страниц твоих не поучительна...» [Полевой 1841: 162]; «...когда переведутся такие люди, пускай закроется навсегда книга истории! в ней нечего будет читать» [Тургенев 1860: 338]). Это и метафоры, в которых с книгой соотнесен человек, — «книга сердца», «книга души», «книги человеческих лиц» («Раскрыл бы душу грубую, как книгу за обеднею» [Егоров 1884: 14]; «Улыбку можно читать, как книгу» [Гончаров 1859: 205]) и многие другие. Однако и приведенный материал, как кажется, может свидетельствовать в пользу предположения о гораздо большей, чем принято считать, распространенности топосов в литературе Нового времени.

Мысль о нехарактерности топики для искусства XIX в. в значительной мере основывается на эмпирическом представлении о «малозаметности», «невыразительности» традиционных метафорических образов. Между тем отсутствие выразительной сложности можно оценить и иначе — как специфическую особенность, обусловленную характером функционирования общих мест в литературе этой эпохи. П. Е. Бухаркин, говоря о своеобразии воплощения *loci communes* у Л. Н. Толстого, отмечает: «...топос входит в текст не в прямом виде, не в речевой форме, наиболее адекватной его существованию в литературной традиции, но, напротив, в виде неявного, скорее как намек на топос» [Бухаркин 2003: 231–232]. Такая форма реализации топики свойственна творчеству писателей-реалистов «первого ряда». Другой тип связан с воплощением традиционных метафор в устойчивых формулах, отличающихся ограниченным варьированием словесного выражения и обладающих набором семантических вариантов. Подобного рода формульность в большей мере характерна для поэзии, массовой беллетристики и публицистики — в определенном смысле ее можно рассматривать как свойство литературного дискурса. Специфика функционирования формулы определяется сосуществованием нескольких закрепленных значений, которые могут восходить к разным этапам жизни традиционного топоса в эпоху готового слова (ср.: «книга природы») или оформиться уже в XIX в. (ср.: «книга жизни» у писателей-демократов). Когда устойчивая семантика исчезает, формула превращается в стершийся стилистический штамп, нейтральное клише. Так в своеобразных формах топики сохраняет свое присутствие в культурном пространстве и в «эпоху забвения».

Источники

- Айхенвальд 1914 — Айхенвальд Ю. И. Каролина Павлова [1914]. В кн.: Айхенвальд Ю. И. *Силуэты русских писателей*: в 2 кн. Сурис Л. М. (ред.). Кн. 2. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 149–152.
- Андреев 1908 — Андреев Л. Н. Жизнь человека [1908]. В кн.: Андреев Л. Н. *Собрание сочинений*: в 6 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990. С. 443–499.
- Арцыбашев 1912 — Арцыбашев М. П. Преступление доктора Лурье [1912]. В кн.: Арцыбашев М. П. *Собрание сочинений*: в 3 т. Т. 3. М.: Терра, 1994. С. 362–376.
- Астырев 1904 — Астырев Н. М. *Книга жизни*. Вятка: Вятское товарищество, 1904. 40 с.
- Белозерский 1886 — Белозерский Е. М. Ноктюрн 8-й: Народ. В кн.: Белозерский Е. М. *На заре*. М.: Русская типо-лит., 1886. С. 54.
- Бенедиктов 1859 — Бенедиктов В. Г. Перевороты [1859]. В кн.: Бенедиктов В. Г. *Стихотворения*. Сер.: Библиотека поэта. Л.: Советский писатель, 1983. С. 541–543.
- Бенедиктов 1883 — Бенедиктов В. Г. К... [1883]. В кн.: Бенедиктов В. Г. *Стихотворения*. Сер.: Библиотека поэта. Л.: Советский писатель, 1983. С. 541.
- Блок 1921 — Блок А. А. Возмездие [1921]. В кн.: Блок А. А. *Полное собрание сочинений и писем*: в 20 т. Т. 5. М.: Наука, 1999. С. 21–73.
- Борисов 1826 — Борисов П. Ф. Некоторые строфы из торжественной оды в воспоминание учреждения Императорского Московского университета. *Отечественные записки*. 1826, 26 (69–71): 507–508.
- Быков 1902 — Быков П. В. Генрик Сенкевич: Критико-биографический очерк [1902]. В кн.: Сенкевич Г. *Камо грядеши?* СПб.: СЗКЭО, 2019. С. 521–526.
- Вельтман 1848 — Вельтман А. Ф. *Приключения, почерпнутые из моря житейского* [1848]. Переверзев В. Ф. (ред.). М.: Гослитиздат, 1957. 576 с.
- Веневитинов 1826 — Веневитинов Д. В. Несколько мыслей в план журнала [1826]. В кн.: Веневитинов Д. В. *Стихотворения. Проза*. Маймин Е. А. (ред.). Сер.: Литературные памятники. М.: Наука, 1980. С. 128–133.
- Вербицкая 1916 — Вербицкая А. А. *Иго любви* [1916]. СПб.: Ленингр. изд-во, 2012. 635 с.
- Вересаев 1908 — Вересаев В. В. К жизни [1908]. В кн.: Вересаев В. В. *Сочинения*: в 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. С. 270–386.
- Воейков 1810 — Воейков А. Ф. К Мерзлякову, призывание в деревню [1810]. В кн.: *Поэты 1790–1810-х годов*. Сер.: Библиотека поэта. Л.: Советский писатель, 1971. С. 268–271.
- Вяземский 1864 — Вяземский П. А. Давно плыву житейским морем... [1864]. В кн.: Вяземский П. А. *Стихотворения*. Сер.: Библиотека поэта. Л.: Советский писатель, 1986. С. 388–389.
- Вяземский 1875 — Вяземский П. А. Обыкновенная история [1875]. В кн.: Вяземский П. А. *Стихотворения*. Сер.: Библиотека поэта. Л.: Советский писатель, 1986. С. 407.
- Гейнце 1898 — Гейнце Н. Э. Герой конца века [1898]. В кн.: Гейнце Н. Э. *Собрание сочинений*: в 7 т. Т. 6. М., Терра, 1994. С. 7–350.
- Глинка 1796 — Глинка С. Н. *Записки [1796]*. М.: Захаров, 2004. 456 с.
- Гончаров 1859 — Гончаров И. А. *Собрание сочинений*: в 8 т. Т. 4: Обломов [1859]. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1954. 519 с.
- Горький 1931 — Горький А. М. *Полное собрание сочинений*: в 25 т. Т. 23: Жизнь Клима Самгина. Ч. 3 [1931]. М.: Наука, 1975. 415 с.
- Грибовский 1886 — Грибовский В. М. У графа Л. Н. Толстого [1886]. В кн.: *Интервью и беседы с Львом Толстым*. Лакшин В. Я. (ред.). М.: Современник, 1986. С. 35–54.
- Егоров 1884 — Егоров Я. Е. Думы и песни пахаря [1884]. В кн.: Егоров Я. Е. *Думы и песни пахаря*. Сост. В. И. Ромашова. В. Новгород: б. и., 2003. С. 10–16.
- Есенин 1925 — Есенин С. А. Черный человек [1925]. В кн.: Есенин С. А. *Собрание сочинений*: в 6 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1978. С. 164–170.
- Житков 1935 — Житков Б. С. Тигр на снегу [1935]. Житков Б. С. *Семь огней: очерки, рассказы, повести, пьесы*. Л.: Детская литература, 1989. С. 109–110.
- Зайцевский 1827 — Зайцевский Е. П. Книга природы [1827]. *Литературная газета*. 1830, (17): 133.

- Измайлов 1901 — Измайлов А. А. Праздничный гость. В кн.: Измайлов А. А. *Черный ворон*. СПб.: Типо-лит. С. Н. Цепова, 1901. С. 135–153.
- Карамзин 1791 — Карамзин Н. М. Письма русского путешественника [1791]. В кн.: Карамзин Н. М. *Избранные сочинения*: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: Художественная литература, 1964. С. 79–215.
- Котляревский 1891 — Котляревский Н. А. *Михаил Юрьевич Лермонтов: Личность поэта и его про- изведения* [1891]. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. 333 с.
- Лажечников 1820 — Лажечников И. И. *Походные записки русского офицера* [1820]. М.: Тип. Н. Сте- панова, 1836. 286 с.
- Лермонтов 1832 Лермонтов М. Ю. Вадим [1832]. В кн.: Лермонтов М. Ю. *Полное собрание сочинений*: в 5 т. Т. 5. М.; Л.: Academia, 1937. С. 1–108.
- Лермонтов 1835 — Лермонтов М. Ю. Маскарад [1835]. В кн.: Лермонтов М. Ю. *Полное собрание со- чинений*: в 5 т. Т. 4. М.; Л.: Academia, 1935. С. 247–362.
- Лермонтов 1840 — Лермонтов М. Ю. Я к вам пишу: случайно! право [1840]. В кн.: Лермонтов М. Ю. *Полное собрание сочинений*: в 5 т. Т. 2. М.; Л.: Academia, 1936. С. 89–96.
- Мамин-Сибиряк 1895 — Мамин-Сибиряк Д. Н. Да, виновен [1895]. В кн.: Мамин-Сибиряк Д. Н. *Полное собрание сочинений*: в 12 т. Т. 12. Пг.: Товарищество А. Ф. Маркса, 1917. С. 337–346.
- Мерзляков 1819 — Мерзляков А. Ф. Речь о начале, ходе и успехах словесности [1819]. В кн.: *Русские эстетические трактаты первой трети XIX в.*: в 2 т. Каменский З. А. (ред.). Т. 1. М.: Искусство, 1974. С. 151–171.
- Надеждин 1832 — Надеждин Н. И. Летописи отечественной литературы [1832]. В кн.: Надеж- дин Н. И. *Литературная критика. Эстетика*. Манн Ю. В. (ред.). М.: Художественная литера- тура, 1972. С. 320–325.
- Надсон 1882 — Надсон С. Я. Для отдыха от бурь и тяжелых испытаний... [1882]. В кн.: Надсон С. Я. *Полное собрание стихотворений*. Шушковская Ф. И. (ред.). Сер.: Новая библиотека поэта. СПб.: Академический проект, 2001. С. 179–180.
- Осоргин 1931 — Осоргин М. А. В юности [1931]. В кн.: Осоргин М. А. *Собрание сочинений*: в 2 т. Ав- деева О. Ю. (ред.). Т. 1. М.: Московский рабочий; Интелвак, 1999. С. 448–457.
- Писарев 1860 — Писарев Д. И. Мысли по поводу сочинений Марка Вовчка [1860]. В кн.: Писа- рева Д. И. *Полное собрание сочинений и писем*: в 12 т. Т. 2. М.: Наука, 2000. С. 89–184.
- Писарев 1863 — Писарев Д. И. Наша университетская наука [1863]. В кн.: Писарев Д. И. *Полное со- брание сочинений и писем*: в 12 т. Т. 5. М.: Наука, 2002. С. 7–106.
- Плещеев 1856 — Плещеев А. Н. О, если б знали вы, друзья моей весны... [1856]. В кн.: Плещеев А. Н. *Полное собрание стихотворений*. Поляков М. Я. (ред.). Сер.: Библиотека поэта. М.; Л.: Совет- ский писатель, 1964. С. 100.
- Полевой 1832 — Полевой Н. А. Клятва при гробе Господнем [1832]. В кн.: Полевой Н. А. *Избранная историческая проза*. М.: Правда, 1990. С. 283–691.
- Полевой 1841 — Полевой Н. А. Иоанн Цимисхий [1841]. В кн.: Полевой Н. А. *Избранная историче- ская проза*. М.: Правда, 1990. С. 27–190.
- Пушкин 1828 — Пушкин А. С. Воспоминание [1828]. В кн.: Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*: в 16 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 102.
- Салтыков-Щедрин 1856 — Салтыков-Щедрин М. Е. Стихотворения Кольцова [1856]. В кн.: Сал- тыков-Щедрин М. Е. *Собрание сочинений*: в 20 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1966. С. 7–32.
- Салтыков-Щедрин 1868 — Салтыков-Щедрин М. Е. Напрасные опасения [1868]. В кн.: Салтыков- Щедрин М. Е. *Собрание сочинений*: в 20 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1970. С. 7–35.
- Салтыков-Щедрин 1869 — Салтыков-Щедрин М. Е. Добрая душа [1869]. В кн.: Салтыков-Ще- дрин М. Е. *Собрание сочинений*: в 20 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1969. С. 351–360.
- Симеон 1678 — Симеон Полоцкий. Книга [1678]. В кн.: *Библиотека литературы Древней Руси*: в 20 т. Т. 18. СПб.: Наука, 2014. С. 144–147.
- Станюкович 1880 — Станюкович К. М. Наши нравы [1880]. В кн.: Станюкович К. М. *Собрание со- чинений*: в 6 т. Т. 5. М.: Гослитиздат, 1959. С. 5–404.
- Степняк-Кравчинский 1889 — Степняк-Кравчинский С. М. Андрей Кожухов [1889]. Степняк-Крав- чинский С. М. *Сочинения*: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1987. С. 6–298.

- Суриков 1874 — Суриков И.З. По дороге [1874]. В кн.: *И.З. Суриков и поэты-суриковцы*. Сер.: Библиотека поэта. М.; Л.: Советский писатель, 1966. С. 150–151.
- Тихонов-Луговой 1890 — [Тихонов-]Луговой А. Несколько поцелуев [1890]. В кн.: Луговой А. *Сочинения*: в 12 т. Т. 4. СПб.: А. Ф. Маркс, 1907. С. 5–117.
- Тургенев 1860 — Тургенев И. С. Гамлет и Дон-Кихот [1860]. В кн.: Тургенев И. С. *Полное собрание сочинений и писем*: в 30 т. Т. 5. М.: Наука, 1980. С. 330–348.
- Тютчев 1821 — Тютчев Ф. И. А. Н. М.<уравьеву> [1821]. В кн.: Тютчев Ф. И. *Полное собрание стихотворений*. Сер.: Библиотека поэта. Л.: Советский писатель, 1987. С. 58–59.
- Фет 1889 — Фет А. А. Вне моды [1889]. В кн.: Фет А. А. *Сочинения и письма*: в 20 т. Т. 3. СПб.: Фолио-Пресс, 2006. С. 135–145.
- Чехов 1880 — Чехов А. П. Письмо к ученому соседу [1880]. В кн.: Чехов А. П. *Полное собрание сочинений и писем*: в 30 т. Т. 1. М.: Наука, 1983. С. 11–16.
- Шапир 1886 — Шапир О. А. Без любви. *Вестник Европы*. 1886, (4): 445–516.
- Шелгунов 1885 — Воспоминания Н. В. Шелгунова [1885]. В кн.: Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. *Воспоминания*: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1967. С. 49–230.
- Эрастов 1906 — Эрастов Г. Отступление. В кн.: *Сборник товарищества «Знание» за 1906*. Кн. 13. СПб.: Товарищество «Знание», 1906. С. 55–354.

Литература

- Автухович 2005 — Автухович Т. Е. Топика в смене литературных эпох. В кн.: Автухович Т. Е. *Поэзия риторики: очерки теоретической и исторической поэтики*. Минск: РИВШ, 2005. С. 26–84.
- Адрианова-Перетц 1947 — Адрианова-Перетц В. П. Метафорически-символический стиль русского Средневековья. В кн.: Адрианова-Перетц В. П. *Очерки поэтического стиля Древней Руси*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 7–132.
- Берков 1969 — Берков П. Н. Книга в поэзии Симеона Полоцкого. В кн.: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 24: Литература и общественная мысль Древней Руси. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1969. С. 261–266.
- Богдевич 2015 — Богдевич Е. Ч. Топос «Книга» как механизм сохранения культурной памяти. В кн.: *Республиканская Купалаўская чытанні*. Лебядзевіч Д. М. (рэд.). Гродна: ЮрСаПрынт, 2015. С. 115–119.
- Богдевич 2019 — Богдевич Е. Ч. Топос «Книга» в литературе постмодернизма: структура, семантика, специфика функционирования. *Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А: Гуманитарные науки*. 2019, (10): 76–82.
- Бухаркин 2003 — Бухаркин П. Е. Элен и «ожившая статуя» (к вопросу о роли топика в реалистическом дискурсе). В кн.: *Риторическая традиция и русская литература*. Бухаркин П. Е. (ред.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 221–235.
- Васильева 2018 — Васильева И. Э. Топос в культуре Нового времени: к постановке проблемы. *Мир русского слова*. 2018, (4): 70–78. <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2018-14070>.
- Гуськов 2003 — Гуськов Н. А. «Весь мир — театр» (к изучению топика А. Н. Островского). В кн.: *Риторическая традиция и русская литература*. Бухаркин П. Е. (ред.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 181–196.
- Двинятин 2018 — Двинятин Ф. Н. Поэтическая традиция — топика — интертекстуальность. В кн.: *Интертекстуальный анализ: принципы и границы*. Карпов А. А., Степанов А. Д. (ред.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 80–92.
- Леоненко, Овчарская 2018 — Леоненко С. О., Овчарская О. В. Топосы нового времени (к постановке проблемы). В кн.: *Интертекстуальный анализ: принципы и границы*. Карпов А. А., Степанов А. Д. (ред.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 263–283.
- Маркова 2016 — Маркова В. А. Универсальность символа книги в культуре. В кн.: *Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: Материалы V международного научного семинара: Минск, 19–20 апреля 2016 г.* Минск: Центр. науч. библиотека им. Я. Коласа НАН Беларуси; М.: Наука, 2016. С. 154–159.

- Оверина 2018 — Оверина К. С. «Фиалковые глаза»: топос и его функционирование. В кн.: *Интертекстуальный анализ: принципы и границы*. Карпов А. А., Степанов А. Д. (ред.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 284–297.
- Оверина, Степанов 2019 — Оверина К. С., Степанов А. Д. Топосы у Чехонте и Чехова. *Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*. 2019, 4 (22): 1–4. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.4\(22\).16](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2019.4(22).16).
- Панченко 1970 — Панченко А. М. Слово и знание в эстетике Симеона Полоцкого (на материале «Вертограда многоцветного»). В кн.: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 25: Памятники русской литературы X–XVII вв. М.; Л.: Наука, 1970. С. 232–241.
- Панченко 1986 — Панченко А. М. Топика и культурная дистанция. В кн.: *Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения*. М.: Наука, 1986. С. 236–250.
- Панченко, Смирнов 1971 — Панченко А. М., Смирнов И. П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в. В кн.: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 26: Древнерусская литература и русская культура XVIII–XX вв. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1971. С. 33–49.
- Смирнов 2000 — Смирнов И. П. *Мегаистория: К исторической типологии культуры*. М.: Аграф, 2000. 544 с.
- Степанов 2018 — Степанов А. Д. Понятие «топос» — проблема границ. *Мир русского слова*. 2018, (2): 41–46. <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2018-12041>.
- Филонов 2018 — Филонов Е. А. «И скорби начертали морщины на челе...»: О судьбе романтического топоса. В кн.: *Интертекстуальный анализ: принципы и границы*. Карпов А. А., Степанов А. Д. (ред.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 298–315.
- Щербитко 2013 — Щербитко А. В. *Книга в повествовательных стратегиях литературы XX в.* Автореф. канд. филол. наук. Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова. М., 2013. 27 с.
- Blumenberg 1983 — Blumenberg H. *Die Lesbarkeit der Welt*. 2., durchges. Aufl. Frankfurt a/M., Suhrkamp, 1983. 415 S.
- Čiževskij 1956 — Čiževskij D. Das Buch als Symbol des Kosmos. In: Čiževskij D. *Aus zwei Welten: Beiträge zur Geschichte der slavisch-westlichen literarischen Beziehungen*. S-Gravenhage: Mouton & Co., 1956. S. 85–115.
- Curtius 1993 — Curtius E. R. *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. 11. Aufl. Tübingen; Basel: Francke, 1993. 608 S.
- Herkommer 1986 — Herkommer H. Buch der Schrift und Buch der Natur: zur Spiritualität der Welterfahrung im Mittelalter, mit einem Ausblick auf ihren Wandel in der Neuzeit. *Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte*. 1986, 43 (1): 167–178.

Статья поступила в редакцию 20 января 2020 г.
Статья рекомендована в печать 10 апреля 2020 г.

Evgeny A. Filonov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
philonove@mail.ru

“Being as a book”: Topos — formula — cliché (to the topoi of modernity)*

For citation: Filonov E. A. “Being as a book”: Topos — formula — cliché (to the topoi of modernity). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2020, 17 (2): 196–216. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.203> (In Russian)

In the recent decades, the idea of a literary topic as a phenomenon that belongs mainly to the culture of the rhetorical era is increasingly being revised: it is evidenced by a number of works

* The research is supported by the RFBR, project No. 18-012-00570 “Topics of the post-territorial era: theory and practice”.

on the 'finished forms' beyond the borders of the era of 'reflexive traditionalism'. These studies are united by a common approach: as a rule, they describe specific cases of the complex functioning of the traditional loci communes in the authors' works of the 19th–21st centuries, that is, they move in their consideration from an individual artistic image to a metaphorical archetype. This article is an attempt to describe the functioning of the traditional topos in the literary system of the non-canonical era from the point of view of an opposite approach. 'Being as a book', one of the most common topoi of the rhetorical era, is described in the classical works of E. R. Curtius, D. Čiževskij, and A. M. Panchenko. In modern culture, the metaphor of 'world readability' (H. Blumenberg) remains relevant and acquires new original manifestations. However, there is another form of functioning of the traditional topos beyond the framework of the culture of the finished word. In literature of the 19th century, its main variants ('The Book of Nature' and 'The Book of Fate') continue to exist in the form of the stable formulas that preserve the values that arose at different stages of a metaphor's life. Such a topos-formula has the possibility to develop and acquire new meanings connected with definitive contexts ('The Book of Life' of writers-democrats and 'The Book of Memory' in the elegiacal tradition). When stable semantics disappear, the formula transforms into a stylistically neutral cliché. Topos in particular forms maintain their presence in Russian literary discourse of the 19th century.

Keywords: topos, locus communis, *Book of Nature*, literary discourse.

References

- Автухович 2005 — Avtukhovich T. E. Topoi in the change of literary eras. In: Avtukhovich T. E. *Poeziia ritoriki: ocherki teoreticheskoi i istoricheskoi poetiki*. Minsk: RIVSh Publ., 2005. P. 26–84. (In Russian)
- Адрианова-Перетц 1947 — Adrianova-Peretts V. P. Metaphorical and symbolic style of the Russian Middle Ages. In: Adrianova-Peretts V. P. *Ocherki poeticheskogo stilia Drevnei Rusi*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1947. P. 7–132. (In Russian)
- Берков 1969 — Berkov P. N. A book in the poetry of Simeon Polotsky. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 24: Literatura i obshchestvennaia mysl' Drevnei Rusi. Leningrad: Nauka. Leningr. otделение Publ., 1969. P. 261–266. (In Russian)
- Богдевич 2015 — Bogdevich E. Ch. Topos "Book" as a mechanism for preserving cultural memory. In: *Respublikanskiia Kupalanskiia chytanni*. Lebiadzevich D. M. (ed.). Grodno: IurSaPrynt Publ., 2015. P. 115–119. (In Russian)
- Богдевич 2019 — Bogdevich E. Ch. Topos «Book» in the literature of post-modernism: structure, semantics, the functioning. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. A: Gumanitarnye nauki*. 2019, (10): 76–82. (In Russian)
- Бухаркин 2003 — Bukharkin P. E. Helene and the "revived statue" (on the role of topoi in realistic discourse). In: *Ritoricheskaia traditsiia i russkaia literatura*. Bukharkin P. E. (ed.). St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2003. P. 221–235. (In Russian)
- Васильева 2018 — Vasil'eva I. E. Topos in Modern (post-rhetorical) culture: A problem statement. *Mir russkogo slova*. 2018, (4): 70–78. <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2018-14070>. (In Russian)
- Гуськов 2003 — Gus'kov N. A. "All the world's a stage" (on A. N. Ostrovsky topoi). In: *Ritoricheskaia traditsiia i russkaia literatura*. Bukharkin P. E. (ed.). St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2003. P. 181–196. (In Russian)
- Двинятин 2018 — Dviniatin F. N. Poetical tradition — topoi — intertextuality. In: *Intertekstual'nyi analiz: printsipy i granitsy*. Karpov A. A., Stepanov A. D. (eds.). St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2018. P. 80–92. (In Russian)
- Леоненко, Овчарская 2018 — Leonenko S. O., Ovcharskaia O. V. Topoi of modernity (the problem statement). In: *Intertekstual'nyi analiz: printsipy i granitsy*. Karpov A. A., Stepanov A. D. (eds.). St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2018. P. 263–283. (In Russian)
- Маркова 2016 — Markova V. A. The universality of the symbol of Books in culture. In: *Sovremennye problemy knizhnoi kul'tury: osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiia: Materialy V mezhdunarodnogo*